Горьковский рабочий
г. Горький

1 июля 1972 г.

ТЕАТР

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ГАСТРОЛЯМ

ЕСЛИ ДОВЕРЯТЬ рекламной книжице программ Рижского театра русской драмы (а не доверять ей нет никаких оснований), гастрольные поездки этого коллектива испокон веков до наших дней, по каким бы городам ни пролегали их маршруты, оставляли глубокий след в сердцах населения. Недаром же заключительная статья «О гастролях театра» так и пестрит оценками, вроде «имел громадный успех», «покорили зрителей», «тепло приняли», «горячо приняли», «высоко оценили»... И хотя в устах самого театра (статья не имеет подписи) это звучит несколько неожиданно, ничего особенно удивительного не случится, если в следующем году в статье появится еще один абзац, свидетельствующий о высокой оценке, данной горьковчанами.

Это тем более естественно, что и на самом деле рижане за короткий срок пребывания в нашем городе успели завоевать авторитет серьезный. Они приковали к себе внимание любителей сцены еще до того, как начался первый спектакль. Отличная, со вкусом сделанная реклама, целая вереница незнакомых горьковчанам названий в афише, репертуар не только оригинальный, но и острый заставили ждать с нетерпением встреч с гостями из братской республики.

И ожидающие не обманулись. Первые же два спектакля — «Человек со стороны» и «Человек из Ламанчи» — показали, что перед нами — коллектив взыскательный, ищущий, состоящий из талантливых индивидуальностей и в то же время представляющий собою единое целое, ансамбль, имеющий общие взгляды на сценическое искусство, единый творческий метод.

Мы часто и много говорим о необходимости каждому театру иметь свое лицо, отличаться от своих собратьев. Говорим, и сами далеко не четко представляем себе, как это должно быть. В Москве, где много театров, «лица необщее выражения» имеют многие. Трудно перепутать театр на Таганке с театром на Малой Бронной, не говоря уже о театре им. Маяковского и, к примеру, МХАТе. Совершенно другое положение в городах, где творческих коллективов меньше или всего один театр (по крайней мере данного жанра), и ему просто необходимо и знакомить зрителей со всеми лучшими произведениями современной драматургии, и не забывать о классике. В этом случае создать свой неповторимый облик гораздо труднее.

Рижский театр наглядно продемонстрировал, как это делать. Режиссуру, актеров, художников объединяет в нем не только выработанный и тщательно сохраняемый общий творческий почерк, но и единство темы, на которую коллектив хочет говорить со зрителями, которая волнует каждого. Мы имеем в виду тему высокой ответственности человека перед собой, перед людьми, перед государством. Общность темы создает единую устремленность. А она, в свою очередь, — страстность воплощения.

Лучшие спектакли театра, такие, как «Человек со стороны», «Человек из Ламанчи», «Кавказский меловой круг», «А зори здесь тихие...», отличаются четкостью режиссерского решения, ясностью мысли, точностью характеров, созданных актерами. И, как правило, оформление их содержит художественный образ.

Прочно остаются в памяти лучшие актерские работы — Чешков у Ю. Лазарева, Васков у Е. Иванычева, Галя, Ванда и Альдонса у Н. Незнамовой, Бодог и Вожак у Б. Тихова, Дон Кихот у М. Лебедева. Санчо у М. Хижнякова, Максимович у Б. Соколова, Манагаров и Радневский у Р. Гордиенко, Сюч у Глухова, Плужин у Г. Тимофеева... Удач много — всех не перечислишь. Тем более, что к исполнителям ведущих ролей пришлось бы прибавить «эпизодистов» — в театре налицо подлинная культура эпизодов.

Казалось бы — чего еще желать?! И зрители дружно проголосовали «за» — почти все спектакли шли при переполненном зале.

Однако более близкое знакомство с театром рядом с глубоким уважением к его мастерству, самоотверженному труду вызвало и некоторые недоуменные вопросы, а иной раз и сомнения, которыми, отдавая должное коллективу, хочется тоже поделиться.

Как и внимание к театру, вопросы тоже начались с афиши. В год 50-летия образования СССР Рижский театр, куда бы он ни поехал, представляет искусство Советской Латвии. Или рассказывает о том, как он представляет в братской республике русское искусство. Между тем в гастрольной афише не оказалось ни латышских пьес, кроме только «Жанны д'Арк», показанной в последний день гастролей, ни русской классической драматургии. Даже при том, что большинство привезенных спектаклей поднимает современные проблемы, ощущался некоторый просчет.

Дальнейшие раздумья начались уже в ходе гастролей. Каждый спектакль в отдельности представлял собою совершенно определенную идейно-художественную ценность. Но пришло время рассмотреть их в сумме, определить, что же утверждает театр всем своим творчеством и что отрицает. И тут неожиданно своеобразие репертуара обернулось некоторым однообразием. Отрицает театр многое — мещанство во всех его проявлениях, неторопливое отношение к труду, «дружбу», ведущую к взаимному укрывательству, душевную черствость, неискренность, зависть и т. д., и т. д. Он находит эти плевелы, мешающие произрастать цветам, в разных странах, в разное время, и разит беспощадно. С утверждением дело обстоит несколько слабее. Конечно, в самом отрицании оно уже в в какой-то степени содержится, но хочется увидеть его в чистом виде.

Есть в спектаклях рижан два непримиримых борца, два неуживчивых, острых человека, всеми своими лучшими чертами устремленные в будущее, — Чешков в «Человеке со стороны» и Стас в «Один... два... три...» Есть старшина Васков в «А зори здесь тихие...». Есть, наконец, Дон Кихот. Всё ли положительное исчерпывается этими характерами? Вероятно, нет. Ведь в Чешкове и Стасе тоже много противоречий. Многообразен в своих художественных проявлениях Рижский театр, но и он не уменьшил тоску зрителей об образе нашего современника. Нет, не уменьшил. Характерно, что на его сцене сейчас не идет ни одна пьеса В. Розова, ни одна пьеса А. Арбузова.

Некоторая односторонность репертуарного выбора, думается, породила некоторое однообразие художественных приемов. Вряд ли постоянное отсутствие занавеса можно считать хотя бы крохотной частью творческого почерка. У рижан занавеса просто нет. Ни в одном спектакле. И это становится штампом, начинает мешать восприятию спектаклей. Каждое оформление содержит образ. И почти каждое становится загадкой для зрителей, не столько отмечая место действия, сколько помогая режиссеру выразить мысль («Человек со стороны», «Час пик», «Телевизионные помехи», «Варшавская мелодия»). И это тоже стало штампом. И это тоже мешает. И порою страстно хочется какой-то безусловной, бытовой детали, чтобы точно знать, куда, в какое место перенес нас театр. Если таковая где-либо обнаружится в Рижском театре, она станет для него открытием. А уж так ли необходима условность повсюду?!

Естественное стремление наиболее ярко выявить тему, наиболее остро столкнуть характеры иногда переходит в некоторую однолинейность решений, лишает иной раз образы тех самых нюансов, которые делают их многогранными и живыми.

Принимать в расчет наши наблюдения или не принимать, — разумеется, дело руководства коллектива. Но нам кажется, что дальнейший путь роста и развития своего искусства театру стоит поискать где-то в области соединения накопленного художественного мастерства с произведениями русской и советской классики, еще раз пересмотреть все последние пьесы нашей драматургии. Уверены, что в этом случае театр до конца выполнит свою главную задачу — создание яркого образа нашего современника.

А. ЧЕБОТАРЕВ.

НА СНИМКЕ: А. Шмакова и Е. Иванычев в спектакле «А зори здесь тихие...»

Фото М. МАСКИНА.